

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1907.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ СЛАВНЫЕ АДМИРАЛТАТЫ (1753 г.)

Том II. С. (Том II. Н. Н. Пушкин и др., Фотоплака, 117.)

№ 117.

Библиотека "Руниверс"

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1907.

ЯНВАРЬ, — ФЕВРАЛЬ, — МАРТЬ.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о), Фонтанка, 117.

1907.

Переписка Пушкина.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціей и съ примѣчаніями *В. И. Саитова*. Т. I. Спб. 1906 г.

Для того чтобы оцѣнить по достоинству новое изданіе переписки Пушкина, нужно взять одно изъ прежнихъ изданій и сравнить съ новымъ въ любыхъ нѣсколькихъ мѣстахъ. Варварское отношеніе прежнихъ издателей къ пушкинскому тексту, спутанная и сбивчивая хронологія, смѣшеніе въ одно отдѣльныхъ частей разныхъ писемъ, неполнота—такова фзіономія всѣхъ прежнихъ изданій переписки Пушкина, которыми пользоваться приходилось поневолѣ. Новое изданіе, вполнѣ достойное имени Пушкина, окончательно вытѣсняетъ старыя. Появленіе его—событіе не изъ послѣднихъ въ нашей литературѣ, и на немъ нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что все касающееся Пушкина вызываетъ къ себѣ интересъ, и что на достоинства этого изданія необходимо обратить вниманіе широкой публики, которая по причинамъ, такъ сказать, научно-техническаго свойства не сможетъ оцѣнить его такъ, какъ оно заслуживаетъ.

Пушкинская переписка наиболѣе полное отраженіе духа Пушкина и, богатый матеріалъ для его біографіи и для исторіи его времени, вмѣстѣ съ тѣмъ является одною изъ лучшихъ русскихъ книгъ для чтенія. Въ ней Пушкинъ является попеременно поэтомъ, критикомъ, другомъ, собутыльникомъ, острякомъ, политикомъ, на каждомъ шагѣ мѣняясь съ быстротою Протея, но вездѣ и всегда являя неизмѣнную сущность генія. Какъ подъ руками сказочнаго чудака все обращалось въ драгоценный металлъ, такъ изъ-подъ пера нашего волшебника слова летѣли золотыя брызги. Поэтому не приходится много говорить о важности полного академическаго изданія его переписки. Это было создано уже давно, письма поэта стали появляться въ

печати уже исчерпаны послѣ его смерти. „Много алмазных искръ Пушкина“—писали когда-то Дель—, рассыпаясь тутъ и тамъ въ потехкахъ; нѣтъ уже угасли, и сдѣлали во нѣвегда; много подробностей жизни его повѣстно на разныхъ концахъ Россіи: нѣтъ вѣдо бы снести къ одно мѣсто“. А. П. Брюкловъ сказалъ однажды, говоря о Пушкинѣ: „Читая Пушкина, кажется, видать, какъ онъ жметъ молніемъ вылину изъ обносковъ: въ одинъ ударъ трясётъ въ золу, и бросаетъ чистый слитокъ золота“.

Издание В. И. Саитова.—истинная драгоценность, гряда слитковъ золотого русскаго слова, сложенная бережно и любовно. Въ немногихъ строкахъ редакторъ опредѣляетъ основные приемы, прѣдписанные имъ къ своей работѣ. „Прощаю“—говоритъ онъ—, „правильность пушкинскаго текста, я проверилъ письма его, бывшія уже въ печати, по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ съ нихъ. Если только представлялся кака-либо возможность получить то или другое. Издаваемая переписка Пушкина расположена въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Она отличается отъ предшествовавшихъ изданій, кромѣ введенія пушкинской орфографіи, своею сравнительною полнотой, которая выражается въ обнаруженіи новыхъ писемъ Пушкина, въ дополненіи старыхъ, а также въ введеніи полноты черновыхъ редакцій на-ряду съ бѣловыми. Кромѣ того, въ настоящее издание включены письма корреспондентовъ Пушкина, печатаемые для наглядности болѣе мелкимъ шрифтомъ и также сѣренныя, по возможности, съ подлинниками“. Состоящая при академіи пушкинская коммиссія, разсматривая планъ изданія, установила исполнѣ рациональнее правило, принятое г. Саитовымъ,—что въ академическомъ изданіи „текстъ долженъ представлять собою по возможности авторскую редакцію, безъ надательскихъ замѣненій“. Замѣтимъ также, что прежніе издатели относились къ пушкинскимъ черновикамъ весьма небрежно, печатавъ лишь нѣкоторые изъ нихъ, сообразно своему вкусу, управившимся преимущественно личными эстетическими взглядами; письма корреспондентовъ поэта иногда не печатались вмѣстѣ съ его письмами и были разбросаны въ разлчнхъ изданіяхъ. Слѣдовало бы г. Саитову расширить свою задачу введеніемъ официальной переписки Пушкина: такъ, напрасно исключилъ онъ прошеніе Пушкина на имя императора Николая Павловича, относящееся къ маю 1826 г. Въ перепискѣ должны быть всѣ дѣловыя бумаги и прошения, вышедшія изъ-подъ пера Пушкина.

Въ разбраемыхъ собраніи находится цѣлый рядъ писемъ Пушкина и къ Пушкину. Впервые полечатанныя письма Пушкина носятъ у г. Саитова номера—85, 145, 157, 208 (первая половина), 251, 276 и 279. Въ письмѣ № 85, 5-го іюля 1824 г., изъ Одессы, ново и

интересно живіе Пушкина о Вольтере. „Французъ ячущъ не ниже англичанъ въ исторіи.—Если перенести чего-нибудь да стоить, то исповните, что Вольтеръ корей по новой дорогѣ и въсь свѣтлывитъ философія къ темные архивы исторіи. Робертсонъ сказашь, что если бы Вольтеръ потрудился указать на источники своихъ связей, то бы онъ, Робертсонъ, никогда не написалъ своей исторіи“.

Къ числу особенно интересныхъ мѣстъ въ книгѣ принадлежитъ письмо поэта къ князю П. А. Вяземскому, изъ с. Михайловскаго, 13-го сентября 1825 г. Начинается оно литературнымъ шибаніемъ вроде тѣхъ, какия подна вся его переписка съ Вяземскимъ: „Самъ събши!—забѣталъ ли ты, что всѣ наши журнальныя анти-критики «спованы на самъ събши““. Булгаринъ говоритъ Федорову: „ты лжешь“, Фед. говорить Вуаг.-у: „самъ ты лжешь“. Цынодй говоритъ Пелевому: „ты невѣжда“, Пол. возражаетъ Пшскому: „ты самъ невѣжда“. Одинъ кричитъ: „ты крадешь“, другой „самъ ты крадешь!“—и всѣ правы... Очень естественно, что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться, — а Пеховъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ и не надо присматривать полкѣи. Какъ легко на досугъ умирать меня въ неблагодарности, а были бы вы (чего Боже упася) на моемъ мѣстѣ, такъ, можетъ быть, лучше моего выбл-теплась. Друзья обо мнѣ хлопочуть, а мнѣ хуже, да хуже. Спорача ихъ проявляю; одумаюсь, благодарю за шибреніе, какъ излукитъ, но все же мнѣ не легче. Анверскомъ своимъ дорожилъ я огнь хѣтъ, какъ послѣдняя предлогомъ къ набааленію, ultima ratio libertatis—и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ бѣжать лѣнаться въ ссылку! Души мое, поневодѣ голова кругомъ пойдетъ. Они заботятся о жизни моей; благодарю—но чортъ ли въ едакой жизни! Гораздо ужъ лучше отъ не-дѣченія умереть въ Михайловскомъ. По крайней мѣрѣ, могла моя будеть живыми урѣкати, а ты бы могъ написать на ней пріятную и наливную записка. Нѣтъ, друзья входятъ въ заговоръ съ тиранствомъ, сама беретъ оправдать его, отворачивать негодование; выписываютъ мнѣ Мейера, котораго, впрочемъ, можетъ совершить операцію и въ сибирскомъ рудникѣ; лишаютъ меня права жаловаться (не въ стихахъ, а въ прозѣ, дьявольскія разницы!), а тамъ не волить и бѣситься. Какъ не такъ! Я знаю, что право жаловаться ничтожно, какъ и всѣ прочія, но оно есть въ природѣ вещей. Погоди. Не дежествую, Асмодей: мысля твою объ общемъ мнѣніи, о суетѣ толпы и страдальчества (должннхъ) справедливости,— не помалуй... Это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще забобень. Не отнимай у схишнннша надежду рая и страхъ ада. Зачѣмъ не пошу согласишься на пріѣздъ ко мнѣ Мейера?—Я не довольно богатъ, чтобы выписывать себѣ славянскіе докторовъ и

платить имъ за свое лѣченіе. Мойеръ другъ Жуков-у, но не Ж.—Благодѣяній отъ него не хочу.—Вотъ и все...—Благодарю отъ души Карамзина за Желѣзный Колпакъ, что онъ мнѣ присылаетъ; въ замѣну отошлю ему по почтѣ свой цвѣтной, который полно мнѣ таскать. Въ самомъ дѣлѣ, не пойти-ли въ юродивые, авось буду блаженнѣе! Сегодня кончилъ я 2-ую часть моей Трагедіи—всѣхъ, думаю, будетъ 4. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однакожь, этого никому. Благодарю тебя и за замѣчаніе Кар(амзина) о характерѣ Бориса. Оно мнѣ очень пригодилось. Я смотрѣлъ на его съ политической точки, не замѣчалъ поэтической его стороны; я его засажу за Евангеліе, заставлю читать по-вѣсть объ Иродѣ и тому подобное. Ты хочешь плана? возьми конецъ X и весь одиннадцатой томъ, вотъ тебѣ и планъ. Ахъ, мой милый, вотъ тебѣ каламбуръ на мой аневризмъ: друзья хлопочутъ о моей жилѣ, а я—объ жилѣ. Каково?“

Въ критическихъ замѣткахъ Пушкина находимъ разсужденіе о „самъ съшь“, какъ о „главной пружиѣ нашей журнальной полемики“. Извѣстно, что Пушкинъ отказался лѣчиться въ Псковѣ и къ Мойеру не поѣхалъ. Карамзинъ очень интересовался „Борисомъ Годуновымъ“ и кое-что присовѣтовалъ для него Пушкину; трагедія, вышедшая нѣсколько лѣтъ спустя, посвящена Пушкинымъ памяти знаменитаго историка. Сравненіе Марины Мнишекъ съ Е. Н. Орловой Пушкинъ повторилъ черезъ нѣкоторое время въ слѣдующемъ своемъ письмѣ къ Вяземскому.

Очень любопытно по своему тону и содержанію впервые опубликованное г. Сантовымъ письмо поэта къ Вяземскому, изъ Михайловскаго, отъ начала мая 1826 г.: „Милый мой Вяземской, ты молчишь и я молчу; и хорошо дѣлаемъ—потолкуемъ когда-нибудь на досугѣ. Покажѣсть дѣло не о томъ. Письмо это тебѣ вручить очень милая и добрая дѣвушка, которую одинъ изъ твоихъ друзей неосторожно обрюхатилъ. Полагаюсь на твое человѣколюбіе и дружбу. Пріюти ее въ Москвѣ и дай ей денегъ, сколько ей понадобится,—а потомъ отправь въ Болдино (въ мою вотчину, гдѣ водятся курицы, пѣтухи и медвѣди). Ты видишь, что тутъ есть о чемъ написать дѣлое посланіе во вкусъ Жуковскаго о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ. При семь съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о будущемъ малюткѣ, если то будетъ мальчикъ. Отсылать его въ Воспитательный домъ мнѣ не хочется,—а нельзя ли его покажѣсть отдать въ какую-нибудь деревню,—хоть въ Остафьево. Милый мой, мнѣ совѣстно ей Богу,—но тутъ уже не до совѣсти. Прощай, мой ангелъ; боленъ ли ты или нѣтъ, мы всѣ больны—это тѣмъ. Отвѣчай же подробно“. Письмо это приводитъ на память стихи

изъ „Книжки Омѣгина“, изъ которыхъ поэтъ описываетъ деревенскую жизнь своего героя: „порой бѣлани червоокой молодой и свѣжій поцѣлуй“. Хотя поэтъ и говорилъ: „всегда я радъ замѣтить разность между Омѣгинамиъ и мной“, и „какъ-будто намъ ужъ невозможно писать поэмы о другомъ, какъ только о себѣ самомъ?“, тѣмъ не менѣе въ приведенномъ эпистолярномъ поцѣлуѣ червоокой бѣлани не видѣть, особенно въ связи съ цитированнымъ письмомъ, черты автобиографической. „Сейчасъ получивъ я твое письмо—отвѣчалъ другу Вяземскій, —по живой червотой грамоты твоей не видаль“; Вяземскій совѣтовалъ другу поручить бѣдную дѣвушку ея отцу, изложивъ письмомъ „что никогда, волею Божіею, ты будешь его баринкомъ и тогда соотретишь съ пель въ хорощемъ или худомъ исполненіи твоего порученія“. Въ слѣдующихъ письмахъ поэтъ сравнивалъ Вяземскаго: „Видѣлъ ли ты мою Эду?“ (намекъ на известную поэму Баратынскаго объ обольщенной молодой финляндкѣ). „Вручила ли она тебѣ мое письмо? Не правда ли, что она очень мила?“ Совѣтъ Вяземскаго Пушкинъ принялъ и писалъ ему: „Ты правъ, любимецъ мוזъ,—воспользуюсь правомъ блуднаго зятя и грядущаго барина и письмомъ улажу все дѣло“.

Не лишено значенія для исторіи душевной жизни Пушкина это французское письмо, 3-го ноября 1826 г., изъ Торона, съ пути изъ Москвы въ Михайловское, къ жемъ своего друга, княгинѣ Вѣрѣ Осодоровнѣ Вяземской. „Что сказать вамъ о моихъ путешествіяхъ? Оно продолжается при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ, несмотря на отвратительную дорогу и невыносимыхъ ямщиковъ. Толчки, удары локтями и проч. очень беспокоятъ двухъ моихъ попутчиковъ,—попыкаюсь перездать вамъ за излишнюю свободу, но, путешествуя имѣетъ, приходится кое съ чѣмъ примиряться. С. П. мой добрый ангелъ, но другія мой демонъ...“ Къ княгинѣ „С. П.“ сдѣлано шутовское подстрочное приращеніе: „это, разумеется, не Сергій Пушъ“. С. П.—Софія Феодоровна Пушкина, въ которую поэтъ былъ тогда влюбленъ, в которой на сдѣланное ей Пушкинымъ предложеніе отвѣтила отказомъ. (Исторія ея отношеній къ Пушкину разработана А. Ф. Ковъ въ „Журналѣ для всѣхъ“ 1905 г., № 1, и П. Л. Модзалевскимъ въ „Пушъ и его современъ“, вып. IV).

„Другая (Gautre)“ дала княгинѣ Вяземской новость сказанную: „Вы такъ часто имѣете предумы, что ужъ и не знаю, кто другалъ“. Какъ можно досадаться по даннымъ, представленнымъ выше издѣлюмъ переписки Пушкина, это—Анна Николаевна Вульфъ, дочь сестры Пушкина по имению Н. А. Осиповой. Ея Пушкинъ налицалъ въ 1825 г. пьесу: „Хотя стихикъ на именинъ...“ „Съ Annette бранишь, надобла“,—писалъ о ней Пушкинъ брату въ 1824 г.; „Annette

очень смѣлина², писала ему же о ней вскорѣ. „Письмо Анны Николаевны³ отдала не прочитав“, пишет онъ ему въ 1825 г., „и сказать его тотчасъ (мнѣ описанія или изъ реальности, какъ хотѣшь)⁴. Въ одномъ письмѣ къ Кернъ Пушкинъ получилъ говорить, что, перечитавъ свои строки, онъ самъ устыдился ихъ чувствительнаго тона: „Что скажетъ Анна Николаевна?“ Въ маѣ 1826 г. поэтъ писалъ брату Анны Николаевны, Алексѣю Николаевичу Бульфу, что „поженился“ съ Анной Николаевной; надо думать, что между ними была развѣлка. Изъ писемъ поэта къ ней дошло до насъ пока только одно. Переписка между ними велась по-французски; на этомъ языкѣ Пушкинъ охотѣе всего переписывался съ дамами. Какъ можно судить по впервые опубликованнымъ г. Салтовымъ письмамъ, между Пушкинымъ и Анной Николаевной было то, что впоследствии получило название флирта. Изъ перваго письма видно, что между ними дѣйствительно была ссора. „Я долго колебалась, писать ли вамъ до полученаго вашего письма, но такъ какъ размышленіе мѣня иногда ни къ чему не приводитъ, то я, въ концѣ концовъ, поддаюсь желанію писать вамъ... Знаете ли вы, что я пишу вамъ и плачу? Чувствую, что это разветъ меня, но это слыше моихъ слезъ, а не могу овладѣть съ собою...“ Далѣе Анна Николаевна подразниваетъ ревность Пушкина: „Здѣсь у меня намекла очаровательный дворянскій братъ, который страстно меня любитъ и очень хотѣлъ бы мнѣ имъ доказать такъ же, какъ и вы, стоить мнѣ только пожелать. Это не какой-нибудь уланъ, какъ вы, можетъ быть, воображаете, а гвардейскій офицеръ, очаровательный молодой человекъ, и, къ тому же мы ради него мнѣ не измѣнится, слышите вы?“ — говорить Анна Николаевна, дуналъ. Иронично, объ А. И. Кернѣ, къ которому поэтъ былъ тогда неравнодушенъ.

„...Я говорю о васъ какъ можно меньше, но я грущу и плачу. Я безумная же я, — и увѣрена, что вы думаете обо мнѣ уже самымъ равнодушнымъ и, можетъ быть, говорите обо мнѣ ужасными вещами, тогда какъ нѣ. Боже! Если бы получить письмо отъ васъ, какъ я была бы довольна; не обижайте меня, ради Неба, скажите, что вы меня все же любите; можетъ быть, тогда я буду спокойнѣе...“ „Если вы получили мое письмо“ — начинается Анна Николаевна другое свое посланіе, — „ради Неба, разорвите его. Я стыжусь своего безумства; если я увижусь, я никогда не осмѣлюсь посмотреть вамъ въ глаза... Какъ волшебное обаяніе свело меня съ ума! Какъ ловко вы умѣете притворяться. Я согласна съ моими кузинами, что вы опаснѣйшій человѣкъ, но я стараюсь образоваться...“ Черезъ мѣсяцъ она пишетъ ему: „Боже! Что я перечувствовала, читая ваше письмо, и какъ бы вы и счастлива, если бы письмо сестры не подбавило горечи къ мо

радости. Я была бы доволна вашим письмом, если бы не исполнила, что вы при мнѣ послали такія сажки письма, а даже еще піжвикъ, А. П., а также Ветти" (А. П. Керчь к Аннѣ Нк. Вульфъ). „Ахъ, Пушкинъ, вы не стоите любви; вижу, что я была бы счастлива, если бы оставила Тригоровку раньше, и если бы послѣднее время, проведенное мною съ вами, стерлось изъ моей памяти... Какъ вы не повяли, почему я не хотѣла получить отъ васъ письма вродѣ разсказа?" (Рѣчь идетъ, должно быть, объ давно известномъ письмѣ Пушкина отъ 21-го июля 1825 года). „Стыж, который тогда лишь оскорблялъ мое самолюбіе, теперь растерзалъ бы мнѣ сердце; тогдашній П. былъ для меня не тотъ, которому я пишу теперь. Вы не чувствуете этой разницы? Это было бы очень унизительно для меня, но боюсь, что вы не любите меня такъ, какъ должны были бы любить; вы терзаете и оскорбляете сердце, дѣломъ которому не знаете; какъ я была бы счастлива, если бы была такъ холодна, какъ вы полагаете!" И Анна Николаевна снова пытается возбудить ревность Пушкина, разсказывая ему о какомъ-то своемъ новомъ ухаживателѣ. „Вы говорите, что ваше письмо плоско, потому что вы меня любите: что за мажоръ! особенно со стороны поэта; чувство-то и придаетъ красворѣтія... Прощайте! Дѣлаю вамъ гримасу, видѣ вы ихъ любите. Когда мы увидимся? Мнѣ до тѣхъ поръ в жизни не будетъ!" Шутя ли поэтъ, или его ревность была серьезно задѣта, но въ слѣдующемъ письмѣ Анны Николаевны мы читаемъ: „Все, что вы мнѣ говорите объ Авреѣ" (такъ звали другого ухаживателя), „мнѣ безусловно не нравится и оскорбляетъ меня съ двухъ сторонъ; прежде всего оскорбляетъ меня ваше предположеніе, что онъ не только дѣловалъ мою руку, а еще былъ бы того слова „это все равно": они меня оскорбляютъ и огорчаютъ въ другомъ смыслѣ. Надѣюсь, вы сама хорошо понимаете, что хотѣли этимъ сказать, что какъ безразлично, въ какихъ мы съ нимъ отношеніяхъ. Это, вѣроятно, не совсѣмъ вѣрно. Но все же по его поведенію со мною замѣтила я, что онъ вралосходитъ насъ въ свѣдѣности и безразсудствѣ, а по его манерѣ держаться со всѣми и, главнымъ образомъ, по его разговорамъ... Боже любя, когда еще я васъ увижу! Это ужасно и очень печалитъ меня. Adieu, ti mando un bacio, mio amore, mio delizio". 11-го сентября 1826 г. Анна Николаевна, воздражая Пушкина съ освобожденіемъ изъ ссылки, съ грустью говоритъ: „Пусть Небо хранитъ васъ! Вообразите, что придется мнѣ всплывать не прѣидѣ въ Тригоровское. Какое мученіе! Все будетъ напоминать вамъ о васъ. Но съ такою чувствомъ думала я прѣехать туда. Какъ Тригоровское было мнѣ мило! Я видѣлась жить тамъ; какъ я рвалась туда, а теперь пойду тамъ только горестное воспоминаніе. Черезъ пять дней Анна Николаевна написала Пушкину

свое послѣднее письмо: „Скажите пожалуйста, почему вы перестали мнѣ писать: отъ равнодушія это, или забыли? Гадкій вы! вы не стоите любви, мнѣ надо свести съ вами счеты, но отъ печали, что больше не увижу васъ, я все забываю... Прощай, моя мнувшая радость! Никогда никто не заставитъ меня испытать и почувствовать то, что я пережила близъ васъ...“ Поэтъ тогда уже былъ занятъ другою— С. О. Пушкиной. Чувство его къ Аннѣ Николаевнѣ, бывшее простымъ флиртомъ, лишь поверхностно разогрѣвавшимъ кровь, давно остыло. Въ „донжуанскомъ“ спискѣ Пушкина, находящемся въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой, находимъ нѣсколькихъ Аннъ: въ числѣ ихъ, конечно, Анна Николаевна Вульфъ. Анна Николаевна, которой тогда было 26 лѣтъ (род. 10-го декабря 1799 г.), надолго пережила Пушкина; она умерла 2-го сентября 1857 г. — Изъ писемъ другихъ лицъ къ Пушкину нужно отмѣтить письма князя П. А. Вяземскаго (№№ 12, 15, 263, 284).

Тщательное изслѣдованіе хронологическихъ данныхъ, количественная полнота матеріаловъ, благоговѣйное соблюденіе неприкосновенности пушкинскаго текста—все это отводить новому собранію писемъ Пушкина видное мѣсто въ русской литературѣ. Пожелаемъ ей талантливому и трудолюбивому редактору поскорѣе завершить свой трудъ, за которымъ внимательно слѣдитъ русское общество, и снабдить его богатымъ аппаратомъ тѣхъ историко-біографическихъ примѣчаній, которыя заслуженно доставили В. И. Саитову репутацію превосходнаго комментатора русскихъ писателей.

Н. Лернеръ.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.